

УДК 811.111'42:821.111-3
Doi 10.26456/vtfilol/2026.2.278

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПАРАМЕТР ЛИЧНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»)

О.А. Таргонский

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматривается феномен интердискурсивности в качестве конститутивного аспекта личного дискурса коммуниканта; делается вывод о принципиально интердискурсивной природе человеческого мышления; анализируется пример интердискурсивности мышления в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин».

Ключевые слова: *интертекст, интердискурс, личный дискурс, Бёрджесс.*

С развитием технологий и усложнением структуры общества коммуникация становится всё сложнее. Благодаря развитию коммуникационных технологий человек оказывается погружён в очень насыщенную информационную среду и участвует в большом количестве различных дискурсов, а «современный дискурс определяется социально-политическими и культурно-историческими характеристиками жизни общества, с одной стороны, и развитием средств дистантного общения, с другой стороны» [4: 28].

То, как мы пользуемся языком и составляем высказывания, определяется нашим предшествующим речевым опытом – в первую очередь опытом восприятия чужих высказываний. Мысль эта не нова: уже М.М. Бахтин отмечал, что «...индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка). Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести и разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собой и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентуируется нами» [1: 283]. Процесс освоения языкового материала, таким образом, связан в первую очередь не с самим языком, а с конкретными случаями его употребления в речи носителей языка и с контекстом, в котором он употребляется и который определяет наше индивидуальное представление о значении того или иного слова.

В дальнейшем данный тезис лёг в основу т.н. «широкой» концепции интертекстуальности, в русле которой работали французские исследователи Ю. Кристева и Р. Барт. В рамках данной концепции любое высказывание понимается как продукт восприятия и творческой переработки человеком других высказываний, т.е. высказывание образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек.

В то же время текст не появляется и не существует сам по себе: так, М.М. Бахтин отмечал, что в любом тексте «скрещиваются живые социальные силы». В современной науке текст понимается как продукт кристаллизации дискурса, его материально зафиксированный след [2: 53]. В то же время, вопрос о том, что скрывается за понятием дискурса, остаётся дискуссионным. Как пишет В.Г. Борботько, «многоаспектность дискурса обусловила, в частности, множественность его определений и сравнительно быструю эволюцию в концепциях даже внутри одного и того же научного направления» [3: 13].

Рассматривая методологическую специфику данного понятия, В.Е. Чернявская предлагает понимать дискурс как 1) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, т.е. текст и его «вокругтекстовый фон», и 2) совокупность тематически соотнесённых текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме; тема дискурса раскрывается интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов [7: 143-144]. Таким образом, дискурс можно понимать как, с одной стороны, текст и его контекст (ментальный, культурный, жанровый и т.д.), а с другой – множество текстов, объединённых тематической общностью и связанных между собой особыми интертекстуальными связями в рамках общей для них коммуникативной сферы.

Дискурс собирает в себе тематически близкие точки зрения и тексты, исключая из себя все прочие, и образует, таким образом, «рамочное пространство вокруг «своего» – неких однородных идей, теорий, смыслов, овеществлённых в текстах» [7: 158]. В этой связи говорят, пользуясь определением М. Фуко, о «власти дискурса»: дискурс задаёт определённые стандарты коммуникации для каждого действующего лица в типичных ситуациях, которые поддерживаются посредством ряда ограничений в отношении того, что и как нужно говорить, чтобы коммуникация состоялась.

В то же время дискурс существует не сам по себе, но в виде текстов, которые производят и потребляют участники дискурса, его субъекты, т.е. люди. Участие каждого отдельного субъекта в общем дискурсе определяется его индивидуальными личностными установками – внетекстовыми структурами (рядами), под которыми, согласно В.А.

Миловидову, понимается «осмысливаемая и переживаемая участником дискурса динамическая модель мира и культуры, система смыслов и метасмыслов, структурируемая на основе определённого миропонимания, которая может быть реализована в языке (а также в различных невербальных «языках» – музыке, пластике, рисунке и т.д.) и включает в себя философско-научные, этические, нравственно-эмоциональные, эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции» [5: 43]. Внетекстовые структуры, таким образом, являются средой формирования дискурса, под которой следует подразумевать «мир, осмысливаемый дискурсантом» [5: 41].

Общий дискурс складывается в рамках совместной работы дискурсивных формаций – отдельных дискурсов (или участков общего дискурса), которые отражают ту или иную сферу познания или коммуникации. Такими специальными дискурсами являются, например, юридический, медицинский, политический, рекламный и т.п. дискурсы. Подобное также характерно и для индивидуального дискурса: человек включён во множество дискурсов и черпает установки из самых разных областей знания, а потому уместно говорить о том, «мир» дискурсанта, совокупность его внетекстовых структур складывается из неоднородного массива текстов, а значит, и дискурсов. Следовательно, индивидуальный дискурс человека является принципиально интердискурсивным формированием.

Первоначально термин «интердискурс» появился в работе М. Пешё «Прописные истины» (1975), в которой под интердискурсом исследователь понимал комплекс взаимосвязанных дискурсивных формаций [10: 113]. Интердискурс, согласно М. Пешё, содержит в себе материал из множества дискурсов, который говорящий использует в процессе речи в рамках того или иного конкретного дискурса. В то же время интердискурс – это не конкретный дискурс, но система, связывающая дискурсы между собой и устанавливающая между ними иерархию, в которой те или иные дискурсы доминируют над другими дискурсами посредством «преконструктов», под которыми понимаются «след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода «заготовку», «сырьё» для дискурсивной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности» [6: 41].

Н. Фэркло, отталкиваясь от работ М. Фуко, М. Пешё и ряда других исследователей, предложил разграничить «явную интертекстуальность, при которой данный текст отсылает к конкретным другим текстам, и конститутивную интертекстуальность, или интердискурсивность» [9: 85]; под последней он предлагал понимать «гетерогенное устройство текста из элементов (типов конвенций) порядков дискурса» [Там же], т.е. «отношения между дискурсивными формациями» [Указ. соч.: 46].

Подобным образом о различиях между интертекстуальностью и интердискурсивностью высказывалась и В.Е. Чернявская: «если речь

идёт о непосредственном влиянии текстовых систем друг на друга, то мы имеем дело с эксплицитными маркированными отсылками к чужому конкретному тексту, с одной стороны – либо к текстообразовательной модели, по которой построен данный текст, с другой.

Если это влияние актуализируется не через языковые знаки, но как сходство тем, сюжетов, мотивов etc., то, очевидно, имеет место диалог дискурсов, т.е. интердискурсивность» [7: 212].

В таком же ключе применительно к художественной литературе высказывался В.А. Миловидов: «Читатель, адаптируя текст к собственным конвенциям, может «срезать», оставить без внимания те или иные находящиеся в свёрнутом, латентном виде потенции текста, а может – и наоборот, «развернуть» и сделать доминирующими те информационные пласты, которые в структуре авторского смысла находятся на периферии» [5: 81].

Примеров подобного разночтения, когда в силу особенностей индивидуального дискурса реципиент воспринимает высказывание некорректно, много как в реальной жизни, так и в литературе. Особый интерес в данном случае представляет роман Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», в силу сюжетных и лингвистических особенностей наглядно показывающий, каким образом формируется интердискурсивный компонент индивидуального дискурса, а также как этот индивидуальный дискурс определяет восприятие высказывания реципиентом.

Повествование романа строится от лица главного героя Алекса – юного преступника, живущего в антиутопическом мире недалёкого будущего, в котором государство посредством науки и грубой силы стремится подчинить себе своих граждан. Отличительной особенностью его социального круга (и романа в целом) является использование специального арго, сконструированного автором романа – «надсата», являющегося гибридом английского языка и многочисленных русскоязычных заимствований.

Не рассматривая специфических политических подоплёк, связанных с выбором языка (роман был опубликован в 1962 г., в разгар холодной войны), можно, тем не менее, отметить, что надсат выступает очевидным маркером специфического дискурса, в котором участвуют антисоциальные герои романа. Язык «надсатовцев» – это язык, сигнализирующий склонность к агрессии, насилию и преступлениям, однако самое главное – это язык противодействия конформистскому обществу и государству. В этом дискурсе Алекс занимает не последнее место: он является лидером банды и руководит действиями своих «друзей» – где-то манипуляциями, где-то вербальным (и даже физическим) насилием.

Отличительной чертой Алекса является его любовь к классической музыке: так, возвращаясь домой после очередного дня, полного действий насильственного характера, Алекс включает

проигрыватель и слушает запись с концерта академической музыки. Главный герой рассказывает о том, какой радостью наполняет его эта музыка, прежде чем перейти к описанию образов, которыми наполняется его рассудок: «Мужчины и женщины, молодые и старые, лежат на земле и молят о пощаде, а я смеюсь во весь голос и втоптываю свой ботинок в их лица» [8: 33]. Таким образом, академическая музыка, выражающая благородные, возвышенные движения души авторов и ассоциирующаяся в общественном сознании с высокой культурой, лишь усиливает тягу Алекса к «ультранасилию».

В дальнейшем, оказавшись в тюрьме, Алекс знакомится с Библией, в которой его больше всего занимают истории о том, как «старые евреи бьют друг друга и пьют вино и занимаются любовью со служанками своих жён» [Указ. соч.: 81], а читая про распятие Христа, он представляет себя римлянином, принимающим участие «и даже руководящим» этим процессом.

Доминирующим дискурсом в сознании Алекса, очевидно, является дискурс насилия и антисоциальности: этому дискурсу в рамках общего интердискурса Алекса подчиняются все прочие, и именно этот дискурс поставляет прекопункты, которые затем «наслаиваются» на все прочие дискурсы, становясь призмой, через которую Алекс смотрит на мир. Таким образом, в сознании Алекса любопытным образом переплетаются самые различные дискурсы – как религиозные и высококультурные, так и низменные, дикие, насильственные. Однако именно эта смесь разных дискурсивных систем создаёт уникальный индивидуальный дискурс и делает Алекса тем человеком, которым он является.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 542 с.
2. Богатырёв А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 197 с.
3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. С. 14–31. URL://C:/Users/User/Downloads/tendentsii-razvitiya-sovremennogo-diskursa.pdf/ доступ 16.04.2026.
5. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 129 с.
6. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Сборник статей. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12–53.
7. Чернявская Е.В. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

8. Burgess A. *A Clockwork Orange*. London: William Heinemann Ltd, 1962. 192 с.
9. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.
10. Pêcheux M. *Language, Semantics and Ideology*. New York: St. Martin's Press, 1975. 244 p.

Об авторе:

ТАРГОНСКИЙ Олег Алексеевич – аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова 33); e-mail: olegtargonskij@gmail.com

**INTERDISCOURSE AS A CONSTITUTIVE PARAMETER OF
PERSONAL DISCOURSE (BASED ON THE NOVEL
«A CLOCKWORK ORANGE» BY A. BURGESS)**

O.A. Targonsky

Tver State University, Tver

The article examines the phenomenon of interdiscourse as a constitutive aspect of the communicant's personal discourse; it concludes that human thinking is fundamentally interdiscursive; and it analyzes an example of interdiscursive thinking in Anthony Burgess's novel «A Clockwork Orange».

Keywords: *intertext, interdiscourse, personal discourse, Burgess.*

About the author:

TARGONSKIJ Oleg Alekseevich – Postgraduate Student of the Department of Language Theory, Translation, and French Philology at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova 33); e-mail: olegtargonskij@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.03.26
Подписана в печать 10.04.26

© Таргонский О.А., 2026